

ВСЕВОЛОД КУКУШКИН

*В поисках
Алатеи*

(В СЕМИ КНИГАХ)

18+

Всеволод Кукушкин

В поисках Галатеи. В семи книгах

«Спорт»

2018

ББК 84(2Рос=Рус)6

Кукушкин В. В.

В поисках Галатеи. В семи книгах / В. В. Кукушкин — «Спорт»,
2018

ISBN 978-5-906132-13-0

В сборник писателя В. Кукушкина вошли семь книг, посвященных работе скульпторов. Все персонажи, имена являются результатом игры воображения автора. Книга иллюстрирована картинами великих художников прошлого.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906132-13-0

© Кукушкин В. В., 2018

© Спорт, 2018

Содержание

Книга первая	6
Импульсы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Всеволод Кукушкин

В поисках Галатеи. В семи книгах

Никогда не спрашивай: «Почему?».

Ответ прост и он один: «Потому!»

Переплет: Жан Дезире Гюстав Курбе (1819–1877) *«Происхождение мира»* 1866. (холст, масло)

Корешок: Вильям-Адольф Бужеро (1825–1905) *«Девушка с раковиной»* 1885. (холст, масло)

Форзац и нахзац: Владимир Шорохов (1964) *Компьютерная графика*.

Оформление и макет Александр Литвиненко

Семь книжек «зарисовок» из жизни художников, скульпторов, моделей, коллекционеров и просто интересующихся искусством людей, с небольшими историческими и гастрономическими экскурсами, из которых некоторые придуманы, а некоторые просто обработаны Всеволодом Кукушкиным.

Иллюстрации ко всем «книжкам» подобраны художником Александром Литвиненко из открытых источников.

Все персонажи, имена, названия и т. д. являются результатом воображения автора и ни в коем случае не связаны с кем-либо живущим или жившим в разное время. А в силу этого ни автор, ни издатель, ни кто-то иной, ни перед кем, в случае неожиданного совпадения имен или событий, никакой ответственности не несут.

Книга первая

История Пигмалиона и Галатеи. Как это было

После того, как Сережа Меркулов еще в аспирантуре сделал свое выдающееся открытие, за которое ученый совет во главе с академиком Константином Рожковым решил присвоить ему вместо «Кандидата» сразу звание «Доктора», молодой ученый взялся за теорию «всеобщей памяти». Суть ее сводилась к тому, что все на Земле обладает памятью, но только читать эту информацию крайне сложно, требуются различные «читалки» и, соответственно, коды дешифрования.

Следующей работой была теория «глобальной сети идей». Она оправдывала известное выражение: гениальные идеи носятся в воздухе! Важно только правильно подставить голову. Это, как в футболе, когда подают угловой удар. Подставил голову и – мяч в воротах! И вот, благодаря своим особым мозгам Меркулов мог подключаться к мировому банку идей. Теория эта достаточно сложная, чтобы ее даже пытаться здесь изложить.

Затем у нового «светила» были всякие стажировки в Кембридже и Массачусетсе, не говоря уже о японских университетах, где он читал лекции по своему разделу физики твердого тела. И довольно часто Сергей затрагивал тему памяти в разговорах с медиками, занимающимися человеческими и всякими прочими мозгами, иногда с коллегами – физиками, но самое большое удовольствие получал от общения с философами, которые были весьма благодарными слушателями – эти ничего не отвергали. Коллеги физики, правда, интересовались, разработал ли он математический аппарат для этой всеобщей теории поля памяти. Некоторые говорили, что теория весьма сумасшедшая, даже достаточно сумасшедшая, чтобы оказаться гениальной. Вот только требуется, пусть небольшое, пустяковое, но все-таки доказательство. Даже простое подтверждение сгодится.

Из летней поездки на Кипр профессор Меркулов привез два желтых камня – старый песчаник, из которого когда-то строили на этом острове, – примерно по полтора килограмма каждый. Взяты они были в пригороде Пафоса, в том месте, где, по легендам, жил когда-то царь по имени Пигмалион. По выкладкам Меркулова там была мастерская Пигмалиона, где он занимался скульптурой. Сергей обратил внимание, что они были с одной стороны гладкие – отесанные, такие, что было логично предположить, когда-то были в стене. Он подобрал их по виду и цвету. У таких по его теории должны быть общие воспоминания, и вез их в Москву тайком и от греков (киприоты ведь, в сущности, греки), тщательно оберегающих свои черепки, и от супруги – Нины. Она относилась к теориям мужа с уважением и даже пыталась их понять, хотя по образованию была инженером – транспортником. Но зато она слышала, что греки сурово карают похитителей артефактов, а от глупых неприятностей всегда была готова или огордить, или отстоять мужа. Классический вариант, хотя и продвинутой, но все-таки русской жены. Когда они познакомились – ей было двадцать три года, и она была чертовски привлекательной – высокая, статная, с правильными чертами лица, обрамленного русыми волосами. На самом деле Нина в юности занималась академической греблей и при внешней хрупкости обладала большой физической силой. Это «прикрывалось» бездной обаяния, такой тип женщин привлекает мужчин, и они влюблялись в нее «пачками». Она знала, что «примагничивает» мужчин, а еще она знала секрет, как их удерживать. Но в какой-то момент девушка избрала физика, нашедшего свой путь к ее сердцу, и позже никогда об этом не жалела. К тому же Нина оказалась хорошей женой – любящей, терпеливой, заботливой, следившей за тем, чтобы профессор С.Н. Меркулов был ухожен, чтобы у него всегда имелась свежая рубашка, и блестели туфли. Она

еще в юности видела своим мужем человека достойного, уважаемого и создавала его таким. Нина взяла на себя весь нелегкий московский быт, чтобы Сергей не отрывался на обыденность. Как во многих московских семьях дом держался на ней.

Московская квартира у них была небольшая, уютная, но они не тяготились ее размерами (дети-то уже жили по своим «углам» в разных концах Москвы, все равно доставляя головную боль своими семейными «сюрпризами») – зато просторная дача в поселке «Электроников» на участке в двенадцать соток – Сережа приобрел два смежных по шесть соток и объединил их – радовала по настоящему вкусными запахами соснового сруба, сушеных травок и прочего загородного быта.

Меркулов много читал о великих физиках прошлого и, на манер великого Петра Капицы, оборудовал небольшую установку для своих экспериментов именно на даче, в пристройке к основному дому. А поскольку однажды он не поскупился и подвел к своей «фазенде» газ, то приезжал «погреться у камина» и поздней осенью, и ранней весной.

Из окна своей дачной «лаборатории» Сергей любил смотреть на то, как меняется в зависимости от освещения цвет коры старой сосны, стоявшей у забора. И хотя профессор был не слишком суеверным человеком, у него имелись свои приметы возможной удачи. Если, пока он смотрел в окно, по верху забора пробежит белка, то все может пройти хорошо. И на этот раз белка пробежала, но не остановилась, не глянула в его сторону, а в какой-то точке прыгнула на сосну, зацепилась коготочками за кору и помчалась вверх, чуть помахивая хвостом.

Белка не подвела, и Меркулов с помощью своей установки начал прокручивать, зажатые в специальных «клещах», кипрские камни, а в память компьютера записывать какие-то необычные сигналы, возникавшие в силовых полях, невидимо соединявших камни.

Камни, неожиданно «встретившиеся» друг с другом, начали «разговаривать», а под влиянием мысли профессора даже «вспоминать» о событиях, интересовавших человека. У компьютера была память в восемь терабайтов, а потому работать можно было долго, не беспокоясь, что какая-то часть информации не поместится в «мозгах» машины. На всякий случай Сережа надел на пальцы электроды, подключенные к серой коробочке с другим его очередным изобретением. В наушниках поначалу слышались обычные эфирные «белые» шумы, которые, наконец, упорядочились и приобрели некоторую, чуть не музыкальную стройность.

В какой-то момент, прикрыв глаза, московский профессор увидел себя в кипрском дворце царя Пигмалиона.

... В доме бушевал скандал...

... Молодой, всего-то разменял тридцатник весной (родился под знаком тельца), светло-волосый кипрский царь Пигмалион не был «большим царем» – он ни с кем не хотел воевать и с детства увлекался искусством. И решил сам стать скульптором – не давала ему покоя слава великих греков. Пытаясь образумить Пигмалиона, несколько лет назад родители женили его на Филоксене – весьма вздорной светловолосой афинянке, которую сложно было чем-либо ублажить. Капризная столичная «штучка». В последнее время она вдруг стала его ревновать к недавно появившейся скульптуре, которой царь увлекся, как живой красавицей. Он даже называл ее «моя любимая».

В своей мастерской Пигмалион, стоя на специальном возвышении, работал над завитком волос на голове любимой. Скульптура из слоновой кости, привезенной из Африки, уже давно была готова, но он находил особое успокоение, оставаясь с нею наедине, и постоянно искал возможность прикоснуться к своей любимой женщине. На самом деле материалом для этой работы были несколько слоновых бивней, соединенных им специальным образом воедино, что поначалу напоминало по форме традиционный мраморный брус. Он отполировал статую своими ладонями так, что, казалось, у девушки нежная тонкая кожа, он сделал совершенными все

линии, малейшие складочки на теле. Левая рука у нее была поднята, из-за чего поднялась и красивая юная грудь, и вся она была стройная, гладкая.

Пигмалион любовался прической, которую он только что создал для скульптуры. И тут в мастерскую, нарушая все запреты, ворвалась Филоксена. У нее были два повода для этого. Во-первых, она подозревала, что супруг находится там наедине с обнаженной молоденькой моделью и не исключено, что прелюбодействует с ней. Ей говорили, что у художников и скульпторов такое случается. Во-вторых, Пигмалион отправил на какую-то тяжелую работу в горы вглубь острова ее любимого раба, заявив, что в нем достаточно сил, чтобы трудиться, а не ограничиваться только втираниями благовоний в пышное тело Филоксены. Когда он женился на ней, афинянка была стройной, подвижной, но прошло всего три года и она изменилась, весьма добавив в весе и объеме, к тому же стала капризной и крикливой.

В общем, начался банальный, обычный, домашний скандал. Филоксена неожиданно заявила: «Какой ты царь!? Ты не выиграл ни одной войны!» А как он мог выиграть хоть какое-то сражение, если ни с кем не воевал, им и на Кипре вполне счастливо жилось и завоевывать ничего не нужно?!

Но эти доводы вздорная блондинка не слышала, у нее был приготовлен удар посильнее: «Ты холодный и равнодушный к женщинам мужчина... Какой ты царь...» Неожиданно, парирывая этот упрек Филоксены, Пигмалион нанес супруге ответное оскорбление, сказав, что она «сама холодна в постели и не вызывает никакого желания».

– Ты лежишь, как кусок мрамора – холодный и бесчувственный, – упрекнул он ее. При этом сравнение с камнем оказалось просто «профессиональным», привык к работе.

– Это я холодная и бесчувственная!? – она зашлепала губами, даже дыхание сбилось.

Пигмалион смотрел на нее и лихорадочно решал – прийти ли ей на помощь, дать воды или оставаться на месте. Но супруга уже справилась сама, а он, глазами холодного скульптора смотрел на нее и отмечал про себя, что белый хитон уже не скрывает того, как начинают свисать груди и живот, как талия расплылась, да и ноги отяжелели. А что было говорить о втором – третьем подбородках...

– Это я-то холодная, – снова возопила Филоксена, глянула в сторону супруга, потом в другую сторону, увидела небольшую амфору, схватила ее и швырнула, но так, чтобы не попасть в Пигмалиона – все-таки царь. Амфора, конечно вдрезг... Опешивший Пигмалион не мог вымолвить и слова. А Филоксена не унималась:

– Кусок мрамора – это твоя любовница. Вот и клади ее на свое ложе и сразу поймешь, что такое настоящий холод...

И Филоксена демонстративно отправилась в свою часть дома. Но она быстро одумалась, вернулась и в отместку приказала служанке приготовить Пигмалиону на вечер постель в мастерской подле статуи. Это была ее месть – она не хотела, чтобы он отдыхал на привычном и уютном ложе.

Огорченный скандалом, и тем, что вся жизнь, если на нее глянуть объективно, пошла с какого-то момента наперекосяк, Пигмалион приказал старому, все понимающему слуге принести ему амфору вина и фрукты. Сладкое густое вино он смешивал с водой, но это все равно был вкусный и пьянящий напиток. Ни о какой работе над фигурой в этот день уже и не думалось – вышибла Филоксена светлые чувства из сознания художника.

– Я уйду от тебя, – прошипела с порога, одетая по-дорожному Филоксена, и...поспешила в порт, где всегда можно было найти судно, отправлявшееся в Пирей. Она решила вернуться в дом родителей, прихватив, правда, кое-что из ценностей. За остальными вещами она пообещала прислать слуг.

Убедившись, что Филоксена действительно ушла, Пигмалион приказал доверенному слуге привести к нему пару гетер из тех, которые недавно приплыли на остров на корабле из Афин.

Душа художника искала вдохновенья.

Поутру он обнаружил, что гетер не видать, голова трещит, а сам он лежит на каком-то топчане в мастерской в обнимку с прохладной статуей. От его объятий она даже немного согрелась. Слуга, услышав, что Пигмалион пробудился, принес кувшин свежей воды.

Царь выпил холодной воды и поразился, насколько она вкусна... Затем умылся сам родниковой водой, взял губку и умыл свою любимую, которая заблестела. И, наконец, он понял, что случилось.

– О Боги, я переспал с этой... женщиной! Не с девушкой, не с мальчиком, не с супругой, а со статуей... И мне это понравилось. О, Афродита, даруй мне жену, такую как эта! Я люблю ее и буду любить так, что о моей любви будут складывать песни, поэмы, легенды. – бормотал он, чуть покачиваясь в деревянном резном кресле – троне в зале, куда к нему приходили все, у кого было дело до царя.

Он сидел, приходя в себя и окончательно просыпаясь. В зале было пусто, только в дальнем углу сидел старый слуга в ожидании распоряжений или царя, или скульптора.

Они встретились взглядами, и слуга двинулся к нему.

– Сегодня праздник Афродиты, – сказал слуга, – сходи к ней. Если ты ей понравишься, она тебе поможет.

Конечно, слуга не знал, да и не мог знать, что чувствовал Пигмалион, но добрый человек только и мог помочь простым советом.

Озадаченный своей жизнью, а, вернее, ее поворотами, Пигмалион поплелся по извилистой дороге в святилище Афродиты. Весеннее солнце уже припекало, время приближалось к полудню, тени становились короче. Он шел неторопливо, время от времени глотая воду из козьего меха. Но в храме было прохладно, и Пигмалион скоро пришел в себя.

Сначала он поведал мраморной Афродите свою историю без утайки, а потом обратился к ней со своей просьбой, той самой, с которой проснулся. Говорил он жарко, исступленно. И богиня, слышавшая немало страстных молитв, поверила этому симпатичному киприоту, что его любовь сильна и постоянна. И ведь просил он лишь одно, чтобы новая жена была бы похожа на его творение. Три раза полыхнул на алтаре жертвенный огонь, что означало одно – молитва услышана.

Но что сделает великая Афродита?

Когда Пигмалион, уже в сумерках, чтобы сократить путь направился через оливковую рощу, освещаемую уже поднявшейся холодной луной, примчался домой, то увидел при свете масляного светильника, как его ожившая Любовь в легком, почти прозрачном белом, с золотым рисунком по краям, хитоне готовит им ложе. Линии ее тела были совершенны, а светло-коричневые вьющиеся волосы она стянула в пышный пучок на затылке.

– Хвала вам, Боги Олимпа, – произнес Пигмалион и, трепеща всем телом, обнял теплое, ставшее таким желанным грациозное стройное тело любимой. Его пальцы немного вдавились в ее плоть, этого ощущения у него не было ни разу во время работы, но от него у царя зашло дыхание..

Они едва не задохнулись в жарком поцелуе. Им предстояла первая брачная ночь. И какая ночь!..

Когда они ненадолго раскрывали объятия, Пигмалион снова и снова возносил хвалу Афродите. Словно не веря своему счастью, Пигмалион почти все время гладил ладонями гладкую кожу жены, нежными поцелуями прикасался к полной груди, радовался, когда она сжима-

лась в комочек и потом вытягивалась в струну боевого лука. Любимая лишь тихо постанывала от удовольствия. Откуда она могла знать, что любовь может приносить такую телесную радость.

Пигмалион проснулся первым, увидел, что светильник мигает слабыми вспышками – это значило, что масло в нем заканчивалось. Он прислушался к дыханию любимой и погладил ее руку. Не открывая глаз, девушка забросила на него руку и притянула царя к себе, их губы встретились.

Утром он послал слуг в храм великой богини, чтобы принести ей новую жертву. Лишь ближе к вечеру он почувствовал необходимые силы, чтобы вновь самому прийти в храм и возблагодарить Афродиту, а еще попросить даровать ему вдохновение для новой работы.

Пигмалион пережил счастливое лето, и все его приближенные не скрывали радости, глядя на сияющих царя и царицу Кипра. Но в начале осени, глянув на супругу перед сном, скульптор укорил себя, что ему не очень удалось вылепить ее живот, он не был таким легким и идеальным. Однако взглядевшись внимательнее в некоторые мелкие линии на ее лице, на талии, он понял, что она беременна! И это было прекрасно.

Никогда после этого Пигмалион больше не делал женских статуй, он создал Пана, нескольких атлетов, фигуру быка, которую отправили в подарок на Крит. Соотечественники – киприоты относились к нему с большим уважением, и обнажать меч ему так и не приходилось.

– Я узнал, почему никто не может найти статую Галатеи и как все случилось – пробормотал Сергей, пробудившись от сладкого сна и снимая наушники. Он увидел перед собой Нину, которая была в светло-апельсинового цвета комбинезоне из тонкой шелковистой ткани, руки у нее были сложены на груди, и смотрела она на него по-доброму, словно чему-то сочувствуя. Сергей увидел, что она отмечена «печатью Пигмалиона» – это что-то особое, что спрятано в любимых женах. Она сумела сохранить стройность фигуры (ценой интенсивной утренней зарядки и правильного питания), необыкновенно женственный изгиб поясицы. На ней уже не было макияжа, что подчеркивало ее от природы действительно красивые глаза – большие, темные.

Она в этот вечер смотрела по телевизору хоккей – ее любимый ЦСКА опять выиграл, что еще немного порадовало Нину. Ее дядя некогда был хоккеистом, а потому все родственники симпатизировали его клубу. Супруга уже собиралась спать, убрала волосы, умылась и выглядела свежо и заманчиво.

Но все-таки зашла к мужу, поинтересоваться, как он, нет ли у него какого-нибудь желания.

– Ну и почему же? Камни рассказали? – поинтересовалась жена.

– Точно. Это оказались камни из боковой стены дома Пигмалиона, они лежали близко к фундаменту. Об один из них разбилась амфора, брошенная Филоксеной. А Галатея ожила и стала простой смертной. Естественно, ожив, она перестала быть мраморной статуей, – начал увлекаться Сережа. – Живая Галатея оказалась очень милой барышней, боготворила своего создателя и даже родила ему двоих детей – мальчика и девочку. Нет, сначала девочку, а потом мальчика. Ну, совсем как ты.

– Хочешь узнать, как это было? – поинтересовалась Нина. – Один римлянин дал свою версию. Сейчас принесу книжку.

Через несколько минут она вернулась, успев найти не только книжку, но и набросить цветастый платок на плечи.

– Вот, слушай, – и она начала читать чуть нараспев, как это делают поэты.

... И создал он образ – подобной
Женщины свет не видел, – и свое полюбил он создание!
Девушки было лицо у нее; совсем – как живая,
Будто бы с места сойти она хочет, да только страшится.
Вот до чего было скрыто самим же искусством искусство!
Диву дивится творец и пылает к подобию тела.
Часто протягивал он к изваянию руки, пытая
Тело ли это иль кость. Что это не кость, побоялся б!
Деву целует и мнит, что это взаимно; к ней речь обращает,
Держит, – и верит, что в плоть при касании пальцы уходят,
Страшно ему, что синяк на тронутom выступит теле.

Тут я немного пропущу, но вот слушай дальше, – замедлилась Нина.

Праздник Венеры настал, по всему прославляемый Кипру,
Возле святых алтарей, с наведенными златом рогами
Падали туши телиц, в белоснежную закланы шею.
Ладан курился. И вот, на алтарь совершив приношение,
Робко ваятель сказал: «Коль все вам доступно, о боги,
Дайте, молю, мне жену (не решился ту деву из кости
Упомянуть), чтоб была на мою, что из кости, похожа!»

– Ну, тут еще о трех вспышках светильника, это ты и без меня знаешь. А вот и итог:

... В дом возвратившись, бежит он к желанному образу девы,
И, над постелью склоняясь, целует, – тепла она будто...
Снова целует ее и руками касается грудей,—
И под рукой умягчается кость; утрачена твердость...

– Ну вот, видишь, два свидетельства – доказательство! – довольный заявил Сергей. – Только, почему поэт говорит о празднике Венеры? Ведь богиней была Афродита!

– Стихи писал римлянин – Овидий, которого сослали на берега Черного моря за какие-то шалости, – пояснила, мягко улыбнувшись, Нина. – Вот и назвал он ее на их манер Венерой. Кстати, имя «Галатея» он не упомянул ни разу... Да и Бернард Шоу назвал героев другими именами, но все равно получилось здорово.

– А вот муза Сальвадора Дали... Ее звали Гала! Она была отмечена печатью Пигмалиона, – вдруг вспомнил Сергей. – Гала – это от Галатеи?

– Увы, здесь все гораздо проще, – Нина читала немало и знала о похождениях Елены Дьяконовой. – Дьяконовой не нравилось ее имя, и она сама взяла себе новое – Гала. Она считала, что оно означает «праздник». Надо сказать, что Гала была не только музой Дали, но и вела его дела и во многом это ее заслуга, что Сальвадор Дали стал весьма доходным брендом. Но это уже другая история.

Импульсы

Собственно, в любом творческом процессе важен первый «толчок», первый импульс, с которого начинается движение мысли. И эти самые импульсы порой также интересны, как получившаяся благодаря им история.

Все началось действительно с поездки на Кипр. Разумеется, остров такой великой культуры и легенд произвел впечатление, оставшееся в памяти надолго. Разумеется, было и посещение археологических раскопок. Но стоит чем-то увлечься и начинается «цепная реакция», начинаешь фотографировать, потом что-то выписывать из каталогов, а потом и копаться в книгах.

И вот, что получилось.

На Кипре и сейчас можно посмотреть немало остатков дворцов, созданных еще в античные времена. Где именно находился дворец-мастерская царя Пигмалиона, точно указать никто не может.

В некоторых из руин обнаружены очень интересные мозаики, которыми можно любоваться довольно долго. Была ли там мастерская Пигмалиона – неизвестно, но, скорее всего, предприимчивые лидеры туристического дела ее «случайно найдут» и начнут туда водить экскурсии. Вообще «Пигмалион» мог бы приносить неплохой доход острову, живущему во многом за счет античных легенд и сегодняшнего туризма.

* * *

«Мастерская» Пигмалиона на известных картинах художников Средневековья является продуктом воображения авторов.

В древней Греции цари вели довольно демократичный образ жизни в спокойное время, существовали, как обыкновенные люди, и сограждане не боялись их критиковать. Просто, тогда еще шел только переход к рабовладению. Но неравенство социальное и материальное уже существовало. Правда, порой слуги проявляли самостоятельность и действовали в некоторых ситуациях, как друзья хозяев.

Женщины во все времена, и, естественно, в античной Греции имели особое значение. Так, храбрейший участник похода к Трое, фтийский царь Ахилл поссорился с предводителем войска Агамемноном из-за того, что тот отобрал у него пленницу – Брисеиду. И по этой причине он даже отказался воевать против троянцев.

Василий Поленов. 1844–1923
Древнегреческие мотивы. 1900 (холст, масло)

* * *

По некоторым источникам выходит так, что Пигмалион был женоненавистником, и киприоты даже волновались, что у них не случится следующего царя.

А по другим историческим данным на острове весьма процветала «корыстная любовь за деньги», по-современному – проституция. И, может быть, еще и по этой причине Пигмалион побаивался киприотов.

Однако человек так устроен, что чувство, под названием «любовь» вспыхивает внезапно и безотчетно. А когда оно вспыхивает, происходят всякие чудеса.

Так что история Пигмалиона может служить тому доказательством. Хотя есть и другие теории на этот счет.

Главный мой герой – кипрский царь Пигмалион, сын Бела и Анхиной, по версии английского историка и писателя Роберта Грейвса, влюбился в Афродиту. Но поскольку богиня никогда бы не стала его женой, то он создал ее статую из слоновой кости, положил с собой в постель и стал молить богиню, чтобы та сжалилась над ним. Войдя в статую, Афродита оживила ее. Вот, ожившая, которая стала именоваться жрицей Афродиты, и родила ему двоих детей – Пафоса и Метарму. У Пафоса был сын Кинир, который основал город Пафос, существующий и по сей день на Кипре, и построил в нем храм Афродиты.

Пигмалион, правда, не решился назвать любимую именем богини. Да и вообще неизвестно, каким именем он ее называл на самом деле.

Другая версия Грейвса немного отличается от «основной», так сказать «канонической». Пигмалион женился на жрице Афродиты и, вероятно, держал на своем ложе извояние Афродиты. Со жрицей все понятно, он с ней жил и все было естественно, а вот извояние Афродиты Пигмалион оставил у себя, чтобы продолжить царствовать.

Вообще этот английский писатель – исследователь Грейвс был не только знатоком истории древней Греции, но и обладал определенной творческой смелостью. Его перу принадлежит книга «Дочь Гомера», где он представляет, что автор «Одиссеи» был на самом деле молодой женщиной, жившей на Сицилии, а отнюдь не слепым и бородатым, как на мраморных извая-

ниях. Навсикия, как Грейвс назвал свою героиню, обладает у него сильным характером, решительна и активна. Но это, как говорится, другая история.

* * *

То, что до нас не дошло изображение Галатеи, сделанное Пигмалионом, вполне естественно. Она ведь ожила и стала пусть и необычной, но смертной женщиной (согласно классическому мифу).

А вот первая обнаженная скульптура, которую сейчас относят к числу «эротических», а порой называют кратко «ню», была создана знаменитым греческим скульптором Праксителем из Афин. Это случилось в четвертом веке до нашей эры.

Он был не единственным, кто обратился к теме прекрасной натуры, но в тот период у античных мастеров были свои выставочные правила. Раз в году «соискатели» привозили в угоренное место свои работы. Они сами весьма строго оценивали труды друг друга, писали записки, указывая лучшую скульптуру, и опускали их в специальный сосуд. Затем уполномоченный ими человек, не исключено, что это был знатный афинянин, объявлял победителя. Таким образом, проводился античный творческий конкурс с самыми строгими судьями. «Победитель» оставался в истории, а «проигравших» попросту разбивали. Но потом эту жестокую практику прекратили и оставляли все работы, наградив, впрочем, лишь скульптора – победителя. Благодаря этому до наших дней дошло некоторое количество произведений античных мастеров и имена некоторых великих нам известны.

Практика, определения достойных, конечно, была суровая, но справедливая. По крайней мере, это не был современный «тендер» или решение «неподкупного», но все-таки «своего» жюри.

* * *

По «классической» греческой мифологии Галатея была Нереидой – одной из пятидесяти дочерей морского царя Нерея и океаниды Дориды, морской нимфой (не путать с русалкой), которая вместе с подругами, впрочем, выходила на сушу и водила хороводы с землянами. Согласно легенде она была очень красивой, доброй и приветливой, по некоторым легендам еще очаровательной и шаловливой. Но жила она не на Кипре, а у берегов Сицилии (Большая Греция в те времена простиралась от Сицилии, захватывая юг Аппенин, через Балканы до Малой Азии). И там у нее случилась несчастная любовь с юношей по имени Ацис.

Антуан-Жан Гро. 1771–1835

Ацис и Галатея. 1833 (холст, масло)

Скорее всего, он был пастухом, так сказать, дитя природы (по некоторым мифам он был сыном лесного бога Пана). Но в Галатею влюбился и ужасный циклоп Полифем. И ведь любил ее Полифем абсолютно искренне, страстно. А страсть ведь и простых смертных толкает в разные бездны. Из ревности Полифем убил возлюбленного Галатеи – подстерег на тропе и обрушил на него скалу. Единственное, что смогла сделать Галатея, она превратила своего любимого в серебристый ручей, который вытекает из под обломка скалы. Ручей впадает в море – родную стихию Нереиды и, таким образом, у берегов Сицилии Галатея и Ацис все-таки соединились.

Но из этой легенды следует, что Галатея никак не могла встретиться с Пигмалионом. Во всех мифах античной истории Пигмалион и Галатея не встречались! А кого могла остановить история, если речь шла о любви?

* * *

Не избежал соблазна изобразить Галатею и великий Рафаэль. Он нарисовал ее на фреске на вилле Фарнезина в Риме в 1515 году, она известна под названием «Триумф Галатеи». Эта фреска является одним из шедевров мастера, который был под впечатлением мифа.

Но у Рафаэля славная Нереида стоит на раковине, на которой, как известно, приплыла на Кипр Афродита. К тому же Нереида находится под сильным «обстрелом» амуров, что, по всей мифологии, что греческой, что римской, сулит дополнительные жизненные осложнения.

* * *

Имя Галатея вместе с Пигмалионом на самом деле появилось в 1762 году. Так назвал ожившую статую Жан-Жак Руссо в своем «Пигмалионе». Разумеется, писатель волен давать

своим героям имена по своему усмотрению, даже отклоняясь от исторической точности. После этого Пигмалион и Галатея в живописи и мировой литературе стали неразлучны.

Благодарные потомки претензий к Руссо не предъявляют, а если кто и попытается оспорить правильность сочетания имен Пигмалиона и Галатеи, как единого целого, то его попросту забросают «каменьями» презрения за попытку разбить прекрасный миф.

* * *

Известный французский художник Густав Моро, конечно, знал и второй миф о Пигмалионе и Галатее, но решил следовать «хронике» и не стал соединять их на своем полотне.

«Портрет Галатеи» был написан Густавом Моро (Gustave Moreau) в 1880 году и тогда же был выставлен в Париже в Салоне. Картиной восхищались и ее же критиковали за «чувственность» и изысканность – красивая Нереида свободно расположилась на камнях. Ее сравнивали с драгоценной жемчужиной, оказавшейся в морском гроте. Она была окружена фантастическими растениями, водорослями, кораллами разных цветов. На самом деле Моро просто хорошо использовал книги по морской ботанике. Но в том и состояло мастерство художника: у него капли красок казались нарисованными драгоценными камнями. Это был триумф художника, который после этого больше в Салоне не выставлялся.

* * *

До Моро к мифу о Галатее и Ацисе обратился великий художник Николя Пуссен, который создал свою картину «Ацис и Галатея» в 1627–1631 году. У него влюбленная пара запечатлена в момент поцелуя, за несколько мгновений до того, как их укроют своим покрывалом двое амуров. Это большое полотно наполнено роскошью природы, красотой фигур главных героев, которым предстоит постижение тайны любви.

Полифема он разместил на заднем плане, оставив ему долю ревнивца – неудачника.

Кстати, Пуссену принадлежит и еще одна известная картина – «Триумф Галатеи», написанная по мотивам поэм Овидия.

* * *

В Петербурге в Эрмитаже имеется прекрасная картина «Триумф Галатеи» классика рококо великого француза Франсуа Буше (1767 г.). Он был любимцем многих эстетов, поклонников этого стиля. Буше был «первым живописцем короля», и, кстати, почетным членом Петербургской академии художеств. Он женился на 17-летней Мари Бюзо, которая была ему и источником вдохновения, и моделью. А, в результате, его упрекали поклонники стиля рококо в том, что нимфы чересчур слащавы. Но суровые критики при этом отдавали должное его превосходной технике письма. А как еще он мог изобразить 17-летнюю девушку? Не старухой же!

Правда, у него в какой-то момент возник конфликт с парижскими художниками, и он задумался о переезде в Россию, где у него было немало поклонников, и первой среди них – императрица. Приобретение этой картины, по мнению Екатерины, было в тот момент «обязательным». И надо сказать, что момент оживления Галатеи «первый художник короля» изобразил с необыкновенным изяществом.

Но для начала он в 1766 году отправил в дар Петербургской академии художеств большую картину – 236 × 329 см – «Пигмалион и Галатея». Буше предполагал, что его картина будет вмонтирована в стену или размещена на потолке – явно декоративный характер работы. Франсуа взял ту часть мифа, когда Венера вдохнула жизнь в статую, и естественно, что богиня

изображена со своей свитой, а художник придал ей неземные черты. К этому надо добавить и наполнение мастерской серебристыми облаками, на которых восседает богиня – а из чего еще мог быть сделан ее трон! Но главное в ином – Галатея на картине начинает оживать, лицо порозовело, в руках видно начинающееся движение.

В тот момент Буше готовил себе переезд в Россию (вполне мог получить место в Академии), а потому и отправил картину в дар русской императрице! «Курьером» был отправлявшийся в Санкт-Петербург Этьен Фальконе, с которым они были близки. Фальконе ехал в Северную столицу делать свою самую знаменитую работу – «Медного всадника».

Еще один прекрасный «Триумф Галатеи» итальянца Джордано Луки (неаполитанская школа) находится в Эрмитаже.

* * *

Став нормальной полноценной женщиной Галатея родила сына Пафоса и дочь Метарму. Метарма стала жрицей Афродиты.

* * *

И вот этот миф – о Пигмалионе и Галетее вызвал прилив энергии и взрыв воображения у многих живописцев и скульпторов. Жан Рау показал потрясенного Пигмалиона в тот момент, когда на его глазах Венера оживила Галатею, стоящую на «станке» в мастерской скульптора. У голландской художницы Магдалены ван де Пасс в ее гравюре на меди Пигмалион находится в состоянии восторга, видя что от свечи в руках старой женщины оживает его любимая. Здесь нет ни Афродиты, ни ангелов, да и сам Пигмалион – типичный голландец 16–17 века.

Француз Жан Батист Реньо отошел от традиционного изображения этой пары – у него Галатея сидит и смотрит на Пигмалиона чуть сверху. У скульптора в руке, чтобы подтвердить род его занятий, молот.

Жан-Франсуа Лагрене сделал несколько полотен Пигмалиона и Галатеи. Здесь Галатея действительно статуя, которая вот-вот сойдет с пьедестала.

Этьен Морис Фальконе, известный в России главным образом как автор «Медного всадника» – знаменитейшей скульптуры в Санкт-Петербурге, сделал в 1767 году прекрасную Галатею, которая находится в Лувре. Правда, ее иногда называют «нимфа, входящая в воду». Но этой работе предшествовала другая, более сложная.

По заказу мадам де Помпадур в 1763 году Фальконе создал трехфигурную композицию, вызывающую и по сей день восхищение в Лувре – мраморная Галатея, перед которой коленопреклоненный Пигмалион, а ее правую руку целует юный амур.

В нижней части пьедестала лежит молот, подчеркивающий, что стоящий перед красавицей молодой человек действительно каменотес.

Константин Маковский на своем светлом полотне изобразил как раз Пигмалиона и Галатею вместе, в тот момент, когда статуя вот-вот должна была ожить.

Француз Жан-Леон Жером в 1890 году на своей картине «Пигмалион и Галатея» задрапировал девушку чуть не с головы до пят, но дал ей современное лицо, живой взгляд. Его Галатея готова, сойдя с пьедестала, стать одной из «мисс мира». Правда, в том же году он создал «классическое» полотно, запечатлев тот самый поцелуй, который оживляет «спящую

красавицу». Но и он не ушел от идеи показать ожившую Галатею. Правда, размер этой работы, находящейся в музее «Метрополитен» в Нью-Йорке, меньше «нашей» – 88 × 68 см.

В Петербурге в Эрмитаже на эту тему стоит прекрасная работа конца 18 века итальянского мастера Пьетро Стаджи. Но, увы, он не столь знаменит, как Фальконе. Может быть, в силу этого паломничества к его Галатее не наблюдается.

На некоторых, прежде всего, живописных работах, Пигмалион выглядит озадаченным: он все еще не уверен, что его скульптура превосходит живую натуру. И только то, что скульптура ожила, убеждает, что он постиг великую тайну природы и сравнялся с ней. Ожившая Галатея освобождает художника от тяжелейшего вызова природе.

* * *

Новый миф оказался настолько сильным, что он не затерялся во времени, тема Пигмалиона и Галатеи популярна на протяжении нескольких веков у художников и скульпторов, не говоря уже о поэтах и писателях.

Вот один из вариантов.

Миф о Пигмалионе и Галатее пришелся настолько по душе великому драматургу Бернарду Шоу, что он написал пьесу «Пигмалион», по мотивам которой был снят фильм «Моя прекрасная леди». Но Шоу назвал своих главных героев Элиза Дулитл (ее в фильме сыграла великолепная Одри Хепбёрн) и Генри Хиггинс (его блистательно исполнил Рекс Харрисон).

Правда, имя «Пигмалион» драматург использовал лишь в названии, а собственно имя «Галатея» даже не вспомнил.

По мотивам пьесы Шоу ленинградский (дело было в семидесятые годы прошлого века) режиссер Александр Белинский написал сценарий балета «Галатея». В 1977 году на студии Ленфильм его поставил балетмейстер Дмитрий Брянцев, пригласивший на главные роли – Элизы Дулитл и профессора Хиггинса – выдающихся звезд – Екатерину Максимову и Мариса Лиепу. Эта блестящая работа всех создателей картины получила мировое признание, призы на различных фестивалях, она и по сей день весьма популярна у телезрителей.

* * *

У знаменитого Пабло Пикассо был роман с юной Марией Терцой Вальтер, и он не смог не воспользоваться этой ситуацией. Он вырезал литографию «Пигмалион и Галатея», которая вошла в цикл «Мастерская скульптора», изобразив свою модель, как источник творчества, как Галатею, на которую смотрит мастер. Справедливости ради, надо отметить, что в «мастере» он не изобразил себя, этот «греческий» бородач с фигурой атлета ничем не напоминал знаменитого Пабло. Также и Марию Вальтер трудно узнать на этой картине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.